

А. Ослон

Дух денег в России: очерк становления и могущества

Часть 1

Предварительные замечания о духах

В нижеследующем тексте происходящее и недавно происходившее в России рассматривается “глазами” **духа денег**. По ходу дела возникает необходимость говорить о желаниях, намерениях, решениях и даже о действиях этого нематериального и как бы несуществующего существа. *Дух денег* и впрямь не является существом в обычном смысле, но его внечеловеческое присутствие и надчеловеческая активность настолько очевидны, что приходится признавать его реальность. В таком смысле говорят, например, о том, что *дух денег* овладел каким-то человеком и он ради него забросил семью, друзей, старые увлечения. Так в языке обозначается влияние *духа*, то есть возникновение особого “строя мышления”, порождающего в человеке определенные интересы, желания и предрасположенности к характерным действиям. Иными словами, понятием “дух” обозначают то, что приводит к формированию в субъективном мире человека особого рода ментальных конструкций, наделяющих смыслами окружающий мир, собственное существование в этом мире и существование других людей. *Дух* всегда имеет социальное происхождение, он возникает и проявляется в ходе коммуникаций между людьми. Под воздействием *духа* и в конкуренции с другими *духами* происходит передача между людьми характерных понятий, идей, представлений, теорий¹ – аналогично тому, как в живой природе органические структуры, например вирусы определенного вида, распространяют те или иные заболевания². Распространение социального “заражения” приводит к возникновению общностей людей, приверженных одним и тем же *духам*. Мировоззрения людей одной общности, их мотивации и действия стано-

вятся сходными, согласованными, коллективными. При этом базовым является *дух языка*, благодаря которому возможны взаимодействия между людьми и совместное сотворение общего мира, социальное конструирование реальности³.

Например, знаменитое сочинение Макса Вебера “Протестантская этика и дух капитализма” уже в заглавии содержит имя “главного героя” – *духа*, возникшего, по версии автора, в глубинах протестантского мировоззрения⁴, овладевшего умами и душами массы своих приверженцев и создавшего их руками самое успешное и комфортное в истории человечества устройство общества⁵. Известны также и другие влиятельные *духи*: *власти, науки, карьеры, насилия, мести* и пр. Один из таких всемирно известных *духов* – “призрак коммунизма” – с подачи К.Маркса и Ф.Энгельса уже сто пятьдесят лет “бродит по Европе”⁶, заражает умы и временами вызывает настоящие эпидемии, сопровождаемые революциями и высокой смертностью своих приверженцев и противников. Есть, наконец, *дух времени*, дыхание которого все мы стараемся уловить, чтобы “не отставать” от него.

Золотой телец

Это было осенью 92-го года. На заднем сиденье автобуса где-то возле Нового Иерусалима сидел человек в телогрейке и разглядывал столларовую купюру. По-детски улыбаясь, он водил заскорузлыми пальцами по лицу невозмутимого Франклина. Было ясно, что этот человек переживает свое первое соприкосновение с иной реальностью, неведомой и манящей. Я тогда подумал, что, наверное, именно ради такого момента властители дум конца 80-х “жгли глаголом”, а реформаторы-экономисты, пришедшие к власти после несостоявшегося путча 91-го года, взывали к “невидимой руке рынка”, чтобы она вывела страну на дорогу, ведущую в светлое капиталистическое будущее.

С момента отмены госконтроля над ценами в январе 92-го года бытовавший десятилетиями советский

Окончание читайте в следующем номере.

жизненный уклад переменялся не на словах, а на деле, и не для каких-то отдельных социальных групп, а буквально для всех и каждого. Ибо ценники в магазинах, на которых заплясали невиданные числа, стали тотальным сигналом отмены привычного мироустройства. Тотальным как в смысле охвата: сигнал дошел до всех (ценники – часть жизни каждого человека), так и в смысле глубины: ценники гораздо лучше зажигательных статей в “Огоньке” и обличительных речей на митингах донесли, что произошел слом всей конструкции советской идеологии. То, что было нельзя, стало можно, а того, что нельзя, не стало вовсе. Вместо требований пришли желания, вместо запретов – возможности, вместо контроля и наказаний – свобода делать, что пожелаешь.

А желали советские люди жить как-то иначе, но обязательно лучше. Лучше – значит богаче, богаче – значит с деньгами. Еще вчера деньги (так называемые “деревянные” рубли) были довольно условным платежным средством, так как запрещалось иметь их много и купить на них можно было далеко не все. Наряду с деньгами было множество иных инструментов обмена и накопления⁷: доступ к “пайкам” и “спецраспределителям” (успешная советско-партийная, производственная или творческая карьера), “блат” (включенность в теневой обмен услугами), “фарцовка” (участие в теневой экономике), “загранкомандировки” (зарплата в валюте и ее суррогатах) и т.д. Но советская обменная система могла существовать только в условиях дефицита, запретов, жесткого контроля и разделения населения на “касты” с разными возможностями доступа к товарно-денежным ресурсам. В одночасье это сложнейшее социальное устройство разрушилось, все условные “валюты” потеряли смысл и остались только обесценивающиеся рубли и “твердые” доллары.

Снова в школу жизни

Переход в новую рыночно-капиталистическую реальность произошел столь внезапно и решительно, что все знакомые с детства правила разом оказались отмененными. Поэтому можно сказать, что 2 января 92-го года свершилась настоящая **революция**. Хотя и не было штурма Бастилии и выстрела “Авроры”, но случилось главное из присущего всем революциям: жители страны в одночасье оказались перед необходимостью выяснять, каковы новые правила, и заново осваивать “искусство жизни”. Как и положено после революции, правила изобретались по ходу дела – и тут же по отношению к ним возникало контрреволюционное противодействие. Поэтому в первые постреволюционные годы политическая

борьба, безусловно, была идеологической – она происходила между сторонниками диаметрально противоположных ответов на один и тот же вопрос: “Как жить дальше?” В основе любой системы социальных правил всегда лежит некоторое мировоззрение. У революционеров-реформаторов, взлетевших на волне протеста против советской системы мироустройства, никаких предложений, кроме “будем жить, как на Западе”, не было. А западное мироустройство представлялось в революционной простоте в виде свободы делать деньги, богатеть и, как следствие, хорошо кушать и процветать.

Отпуск цен, отмена контроля, приватизация, стихия купли-продажи – все это привело к формированию относительно небольшого **Активного класса**, наэлектризованного открывшимися возможностями самореализации и обогащения. Оказалось, что коллективистское советское общество носило в себе значительный потенциал индивидуализма, так как только с таким качеством можно было без оглядки броситься в омут тогдашнего российского бизнеса, в котором каждый сам устанавливал себе правила – подобно пионерам Дикого Запада в эпоху освоения Америки. Остальные – **Пассивный класс** – со смесью недоумения и любопытства наблюдали, как воронка *духа денег* затягивает в себя множество людей: как далеких, непонятных телевизионных персонажей, которые “крутят деньги” и “делают миллионы”, так и старых добрых знакомых, ставших в одночасье бизнесменами, банкирами, челноками и т.д.⁸

Обучение в школе новой жизни происходило через телевизор, в котором новости пугали, показывая, как страшно жить в мире жестоких капиталистических нравов, реклама представляла этот мир как рай земной и заманивала в него, а политики своими запутанными речами размывали границу между тем и другим и создавали привычку жить и выживать в новой реальности. Но главным предметом изучения, конечно, стал **дух денег**, и прежде всего – само понятие денег: что они означают, как с ними обращаться и как жить ради них⁹.

Первый круг

В начале 90-х Активный класс вообрал в себя самых сильных, шустрых и сообразительных. Эти люди выбрали деньги как смысл жизни и работали без устали, чтобы непреклонно двигаться к Успеху. На этом пути они не только зарабатывали или теряли деньги (а то и жизни), но и публично изо всех сил доказывали правоту своих ценностей и устремлений. За кулисами оставались изматывающий труд и истощенные нервы, предательство и жестокие разборки, долги

и невозвращенные кредиты, подкупы чиновников, журналистов, судей, а на сцене демонстративно блистали шикарные атрибуты вождя богатства: одежда, автомобили, дома, офисы и т.д. Огромная масса наблюдающих публично торжество денег была разнородной: в ней были завистники, были ненавистники, но эта масса непрерывно поставляла тех, кто примеривал на себя одежды денежного Успеха и вливался в бурный поток устремившихся за деньгами. Главным признаком принадлежности к Первому кругу были не сами деньги, а всепоглощающее стремление к их обладанию и сосредоточение жизненных сил на этой цели. Таких людей в бывшей советской стране становилось все больше. Расширение Первого круга происходило по мере того, как в реальную жизнь входили новые понятия, смыслы, образцы поведения, воплощающие *дух денег*. Их основным поставщиком в 92–94-м годах была реклама¹⁰. Миллионы людей в ответ на ее гипнотический зов чувствовали предпринимательский зуд, пробовали себя в бизнесе или просто несли свои сбережения в финансовые пирамиды, подобно тому как Буратино закапывал и поливал свой золотой на Поле чудес, чтобы утром выросли целых пять.

Осенью 94-го финансовые пирамиды лопнули¹¹, произошел первый финансовый кризис – “черный вторник”, и кроме того, началась бессмысленная война в Чечне. Наивные иллюзии о “волшебном рынке” стали рассеиваться, их сменило разочарование. До жизни “как у них” оказалось очень далеко. Произошел перелом в общественных настроениях: в конце 95-го коммунисты выиграли выборы в Думу, Зюганов стал реальным претендентом на пост президента, что означало вероятный возврат к советской системе, в которой не было места для *духа денег*. Но осенью 95-го произошло событие, имевшее глубокий символический смысл: верхушка Активного класса (будущие “олигархи”) через залоговые аукционы получила значительный объем собственности¹². Это означало, что Активный класс получил общественное признание и новый социальный статус, а после того как он поддержал переизбрание Б. Ельцина¹³ на выборах в 96-м, – привело к политическому доминированию. Сомнения в необратимости перемен стали исчезать, идеологические бои завершились, Активный класс победил и стал бурно расширять свой Первый круг.

Конец революции

Любой переходный процесс имеет колебательный характер, так как после первоначального импульса система некоторое время раскачивается, как бы оты-

скивая для себя новое, наиболее подходящее стационарное состояние. Восемь лет после январской революции 92-го года жизнь в России шла по синусоиде. Политический вектор направлялся то влево, то вправо, психологический вектор устремлялся от разочарований к надеждам и обратно, экономический вектор, как насос, то втягивал в страну капиталы, то “отправлял” их за границу. До 2000 года было неясно, как поведет себя дальше синусоида: то ли пойдет вразнос и жизнь станет долгим переходным процессом, то ли приведет к какому-то устойчивому состоянию через очередное социальное потрясение.

Иногда говорится, что между Сциллой первого варианта и Харибдой второго страна проскочила благодаря появлению на политической сцене В. Путина¹⁴, который сфокусировал на себе неутоленные никакими иными политиками симпатии населения, перевел деятельность Думы из перманентного политического бунта в законотворческую плоскость, “равноудалил” олигархов, обуздал губернаторов, “отстроил” чиновников, создал “вертикаль власти” и пр. Такое толкование похоже на миф о подвигах Геракла, но не может служить серьезным объяснением того, почему в 2000 году Россию перестало

раскачивать и почти всеобщий облегченный вздох обозначил окончание революции. При всей своей популярности один человек не в состоянии произвести изменения такого масштаба, тем более что В. Путин не имел какого-то феноменального политического, административного, идеологического или силового влияния на страну.

Есть только одно удовлетворительное объяснение. Общество, включая большинство политических конкурентов и противников, само хотело окончания революции. Более того, оно само хотело В. Путина, и, следовательно, осенью 99-го года политическая борьба велась скорее по инерции, а в 2000 году, когда борьбы как таковой уже не было, решительные действия В. Путина, быть может, и вызывали удивление, но уж никак не отторжение и не сопротивление. Почему? Ответ таков: сама фигура В. Путина и его действия попали в резонанс с доминантным интересом сформировавшегося в 90-е годы Активного класса, набравшего вес и готового к следующим этапам своего взросления и жизненного становления. И этот доминантный интерес – **деньги**, ставшие в России уже не только реальным инструментом экономического обмена, но и символом су-

ществования первых выпускников “школы капиталистической жизни”, главным смыслом их жизни.

Дух денег

В Активном классе *дух денег* не только утвердился как основа системы ценностей, но и обусловил придание высшей значимости процессам “делания денег”. Поэтому в 2000 году доминантный – денежный – интерес требовал, чтобы передача власти не остановила эти процессы и не помешала им. Именно поэтому произошел безболезненный переход от эпохи Б. Ельцина, разрушившего советские преграды на пути *духа денег*, к эпохе В. Путина, настроенного на развитие страны в союзе с *духом денег*. Вследствие этого Активные “верхи”, ожидая от В. Путина позитивных в смысле своего доминантного интереса сдвигов, не слишком будоражили Пассивные “низы”. Важнейшую стабилизирующую роль сыграла несомненная популярность В. Путина в Пассивном классе, уставшем от перемен и потрясений постреволюционных 90-х годов. Эта – самая массовая – группа населения признала в В. Путине нового лидера, желающего и способного “позаботиться о народе”, и, не смущаемая “верхами”, проголосовала за него¹⁵.

И Активный, и Пассивный классы в общем не обманулись в своих ожиданиях, о чем свидетельствовал предновогодний сюрприз в виде зафиксированного в конце 2000 года экономического роста. Он означал, что денег стало больше: в Активном классе – намного, а в Пассивном – немножко. Тогда же опросы показали, что вырос оптимизм относительно ближайшего будущего¹⁶. Это обстоятельство свидетельствовало о возникновении в обществе необходимой для устойчивого роста положительной обратной связи: рост порождает оптимизм – оптимизм стимулирует активность – активность обуславливает рост.

С исторической точки зрения появились основания утверждать, что постреволюционная эпоха завершилась тем, что расчистила на территории России место для *духа денег*, уже ставшего для многих и мировоззрением, и идеологией, и даже религией. Он настоятельно требовал более рационально и более активно делать деньги. Иными словами, *дух денег* подталкивал к новым реформам и к расширению круга своих адептов. В 2001 году были декларированы многие реформы: налоги, пенсии, армия, образование, здравоохранение, административное управление и пр. В данном контексте важно не то, что их результаты неудовлетворительны (всегда хочется большего и лучшего), а то, что они превратились тогда в перманентный процесс обновления. Еще бо-

лее важно то, что идеологический компонент ушел на периферию политической борьбы. На первый план вышла борьба между оппонентами, не разделенными идеологической пропастью, то есть, по сути, между конкурентами, но в то же время – единомышленниками с точки зрения *духа денег*.

Второй круг

В начале нового века *дух денег* создал еще одну петлю положительной обратной связи: экономический рост привлекает новых адептов *духа денег* – новые адепты усиливают суммарную деловую активность – возрастание активности способствует росту экономики. В результате возник самоподдерживающийся кадровый приток в Активный класс.

Одна часть этого притока – молодые люди, проходившие первые этапы “школы жизни” уже в 90-е годы и поэтому не обремененные проблемой преодоления опыта существования в советскую эпоху. Им сейчас 20–30 лет, их легко распознать в банках, офисах, торговых залах, ресторанах по речи, внешнему виду, выражению лица. Они заметно отличаются от своих родителей и сверстников, оставшихся в Пассивном классе, деловитостью, рациональностью, мобильностью, кругозором и самое главное – целеустремленностью. *Дух денег* нашептывает им, чего следует хотеть, и они хотят именно этого. В ментальном плане эти люди – пополнение Первого круга.

Другая часть “новичков” Активного класса – Второй круг – это такие же бывшие советские люди, как и пионеры капитализма 90-х годов, но с некоторой задержкой развития, из-за которой их пребывание в “школе жизни” несколько затянулось. Они не оказались тогда достаточно энергичными и сообразительными, чтобы схватить за хвост птицу денежного счастья. В них дольше сохранялись советские “нельзя” и “лучше не высовываться”, не было той бесшабашности и готовности идти на риск, без которых в условиях “дикого капитализма” невозможно было ни выжить, ни добиться Успеха. Когда они почувствовали, что постреволюционная социальная пена оседает, что *дух денег* утвердился и поклонение ему не только не наказуемо, но и социально одобряется, они начали присоединяться к Активному классу. Но оказалось, что берега денежных рек были уже заняты и даже огорожены их более шустрыми сверстниками, успевшими пройти огонь, воду и медные трубы нелегкого бизнес-труда. Они отстали и, даже читая “Коммерсантъ”, не вполне понимали смысл специальных экономических терминов, но чувствовали, что эти термины связаны с вожделенными деньгами, и воспринимали их как музыку.

Поэтому Второй круг Активного класса стал осваивать относительно свободные берега денежной реки под названием Бюджет, благо экономический рост превратил ее из слабого ручейка в полноводный поток. Дел с Бюджетом оказалось много: пополнять, распределять, направлять, контролировать и проч. Таким образом, Второй круг связал свои надежды с Государством.

Возвращение Государства

В советские времена Государство было высшей инстанцией, а государственные интересы – сверхзначимым основанием для любых действий. Эпоха “гласности” конца 80-х годов развенчала символический смысл Государства, определила его как “командно-административную систему”, объявила причиной застоя и душителем свободы. Так возникли условия для январской революции 92-го года, суть которой, независимо от сопутствующей или последующей риторики, состояла в разрушении конструкции советского Государства. В первые постреволюционные годы само понятие “государство” утеряло свой смысл, так как были разрушены олицетворяющие его институты, а государственные мужи были заняты почти исключительно политической междуусобицей. К середине 90-х годов сложился симбиоз чиновников и “новых богатых” (обозначаемых с весны 97-го года как “олигархи”), причем последние занимали явно главенствующие позиции и никакие важные государственные решения не принимались без их участия – разумеется, при полноценном учете их денежных интересов. Понятие “государство” стало устойчиво ассоциироваться с бессилием, безволием и безденежьем. Престиж госслужбы был на нуле, а чиновники, тянувшие ляжку и потихоньку “пилившие” тощие бюджеты, ощущали себя неудачниками, неспособными на большие дела и большие деньги.

Из многих несомненных особенностей эпохи В.Путина важнейшей является радикальное изменение массовых представлений о Государстве: его образ трансформировался от слабости к силе, от негатива к позитиву по всем направлениям. Расхожие объяснения этого феномена основаны на явных положительных сдвигах в стране, происходивших с 2001 года и особенно впечатлявших тогда на фоне бурных 90-х годов. Сюда входят и политическая стабильность, и экономический рост, и выплаты пенсий и зарплат бюджетникам¹⁷, и энергичный авторитетный президент, постоянно демонстрирующий, что для него Государство является высшей и даже, можно сказать, сакральной ценностью.

Но все это следствия, предъявляемые в качестве причин. На самом деле истинная – подспудная – причина возвращения Государства состояла (и состоит) в том, что только оно (и это общемировая тенденция) может быть реальным гарантом, арбитром, координатором и кредитором по-настоящему большого бизнеса. Этот закономерный процесс, кроме всего прочего, привел к тому, что Второй круг, увлекаемый *духом денег*, отправился “делать деньги” на государственную службу, а не в рыночный сектор экономики.

Служение и деньги

Согласно прописным моральным правилам совмещение чиновником государственной службы и занятий бизнесом считается недопустимым, так как приводит к тому, что человек начинает преследовать совершенно разнонаправленные интересы. В итоге “долг” и “выгода” либо борются друг с другом и не дают человеку нормально работать, либо вступают в сговор и навязывают ему коррупционные модели поведения. В ментальности “нового человека” Второго круга чаще всего реализуется последний вариант: в нынешнем чиновнике без проблем сочетаются, казалось бы, несовместимые системы ценностей и правил, или, иначе, в нем одновременно присутствуют этос “служения”, характерный для “государева человека”, для чиновника, и этос “денег”, характерный для предпринимателя, бизнесмена¹⁸.

Этос “служения” предполагает приоритет не собственных, индивидуальных, а общих, государственных, интересов, добросовестное выполнение требуемых извне действий, а не стремление индивидуально реализовать внутренние импульсы. От чиновника требуется считать Успехом карьерный рост, повышение в чине, а не обогащение. И вообще, обязательным является соблюдение определенных стандартов по отношению к деньгам: чиновник должен исходить из принципа “не корысти ради” и, кроме того, подчиняться требованиям вести себя “как положено”, например вести аскетический образ жизни, получая скудное содержание, или, наоборот, “кормиться” от должности и получать подношения¹⁹. В любом случае действует запрет на выпячивание своего “Я”, на инициативное отличие от заданного стандарта.

В этосе “денег” во главу угла ставятся не внешние интересы, а, наоборот, именно собственные, эгоистичные, корыстные. Деньги здесь играют роль не инструментального средства поддержания жизнедеятельности, а становятся главной мотивацией, определяют высший смысл жизни, обозначают степень достигнутого жизненного Успеха. Ради денег предприниматель должен быть индивидуалистом, созда-

ющим свой “мир”, то есть антиподом чиновника, немислимого вне “системы”, которой он служит.

Советская “школа жизни” навязывала этос “служения”. В 90-е она изменилась, и в ней стали преподавать этос “денег”. Представители Второго круга были хорошими учениками в обеих “школах”: с советским опытом они не расстались и поэтому в 90-е годы отстали, а *дух денег* осваивали, наблюдая со стороны, как в 90-е годы делали деньги первые “новые богатые”.

Явление ЧИПа

Совмещение в одной персоне этоса “служения” и этоса “денег” приводит к возникновению гибрида чиновника-предпринимателя (для краткости – ЧИП). Как бизнесмен ЧИП делает все возможное, чтобы способствовать рыночному успеху причастных структур, в которых он явно или тайно является либо совладельцем, либо одним из топ-менеджеров. С одной стороны, благодаря чиновному рангу и статусу ЧИП обладает уникальными возможностями содействовать бизнесу, лоббировать его интересы, обеспечивать защиту как от конкурентов, так и от государственного и общественного контроля. С другой стороны, ЧИП, как и всякий приверженец *духа денег*, нацелен на активное и изобретательное “делание денег” и получение удовольствия от пользования деньгами²⁰.

Можно представить себе добросовестного ЧИПа, который видит свою бизнес-деятельность через призму государственных интересов и общественного блага, сохраняя тем самым равновесие императива чиновника (“долг”) и зова *духа денег* (“выгода”). Например, ЧИП, ответственный в городе за строительство жилья, распределяет бюджетные средства в контролируемые им фирмы и обосновывает это тем, что именно благодаря такому контролю жилье будет строиться вовремя и качественно. Он говорит себе: я для людей стараюсь, делаю благое дело (“служение”). Ну и, конечно, получаю много – но по справедливости (“корысть”). Ненормальность этой типичной ситуации “конфликта интересов” не рефлексируется и не осознается, так как в российском обществе распознавание таких ситуаций и понимание их недопустимости еще не стало очевидным и общепринятым. Обучение в “школе капиталистической жизни” еще не закончено.

Западные наблюдатели часто удивляются, как это в России многие ЧИПы живут с сознанием, раздвоенным “конфликтом интересов”. Они не задумываются о том, как их дедушки и прадедушки мучились, изучая этот предмет в течение долгих лет становления капитализма. Для них большая популяция ЧИПов однозначно свидетельствует о коррупционном характере

экономики, так как они не верят в идиллическую картинку, когда чиновник стремится делать добрые дела, пользуется для этого своей властью и получает за это вознаграждение. И правильно делают, что не верят. На самом деле симбиоз “служения” и “денег” рано или поздно с неизбежностью приводит к тому, что вознаграждения превращаются во взятки и “откаты”, а действия “во имя общественного блага” становятся действиями “во имя себя”, прикрываемыми риторикой о государственных интересах и служении.

Популяция ЧИПов

Парадоксальное раздвоение личности ЧИПа приводит к важным последствиям.

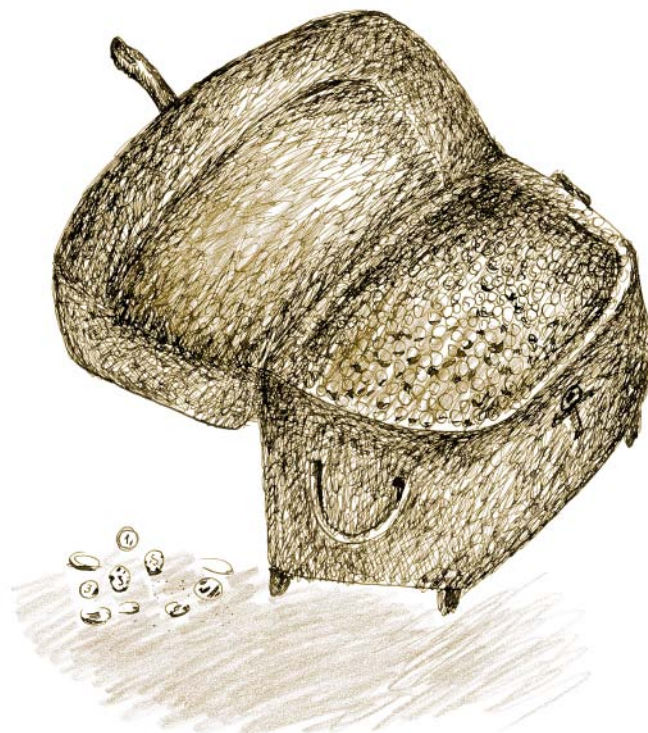
Первое из них связано с тем, что ЧИПы, будучи предпринимателями, вынуждены, как и все прочие предприниматели, участвовать в конкурентной борьбе. Но у них, в отличие от обычных бизнес-собратьев, есть дополнительные средства в виде той власти (power), которая вверена им государством. Поэтому для ЧИПов проще добиваться побед над конкурентами при посредстве силы (power), а не права. Эта сила в современном языке даже получила особое наименование – Административный ресурс. Она включает в себя как начальственное давление (“телефонное право”), так и принуждение с помощью вооруженных людей (“маски-шоу”). При довольно большой популяции ЧИПов и довольно слабой системе судебной защиты верховенство ЧИПов практически неизбежно. В бизнесе конкурентные столкновения обычно приводят к тому, что победитель присваивает капиталы и рынки побежденного и часто, в отличие от военных и спортивных единоборств, делает побежденного младшим партнером. ЧИПы, обладая властными возможностями, чаще всего поступают именно так (особые случаи, когда несговорчивый конкурент проигрывает, оказавшись под следствием или в тюрьме, следует рассматривать отдельно). В итоге такой “конкуренции” популяция ЧИПов усиливается и расширяется за счет рекрутирования в нее бывших конкурентов, а ныне – младших партнеров. Кстати, по такой схеме в сопряженные с ЧИПами бизнес-круги оказываются вовлеченными (после соответствующих процедур понижения статуса) и предприниматели откровенно криминального типа. Их капиталы и рынки с точки зрения *духа денег* ничем не хуже, а сами они при должных усилиях по наведению цивилизованного глянца теряют часть своих “чисто конкретных” особенностей²¹ и вписываются в границы обычного бизнеса²².

Вторая характерная особенность ЧИПов – их особое отношение к тем, кто в 90-е годы очертя голову

бросился в мутные рыночные воды и составил Первый круг адептов *духа денег*. Именно от них ЧИПы заразились стремлением “делать деньги” и переняли их “открытия”, как “делать деньги” в постсоветских условиях. Но ученики, вышедшие на большую дорогу жизни, часто обесценивают собственных учителей как устаревших и отживших свой век. На отношение ЧИПов к своим более шустрым предшественникам влияет еще и то, что те успели занять самые выгодные места “делания денег”. Поэтому конкуренция с ними ведется особенно жестко, и к ней расхожая поговорка предпринимателей “ничего личного – это только бизнес” чаще всего не относится.

ЧИПы и дух денег

Третье следствие раздвоения сознания ЧИПов состоит в том, что их поклонение *духу денег* также носит раздвоенный характер и, следовательно, оно не всегда искреннее и не обязательно долговременное. Любые *духи* – будь то религии, идеологии и т.д. – требуют, чтобы адепты отдавались им полностью, без остатка, чтобы у них не оставалось валентностей на служение чему-то иному. Например, при взгляде на западных бизнесменов не возникает сомнений в том, что они верны *духу денег* на всю жизнь. Им по наследству от отцов, дедов и прадедов досталась жесткая программа отношения к деньгам, закрепленная чуть ли не на генетическом уровне. Поэтому они, как гребцы на галерах, навсегда прикованы к *духу денег* и постараются, чтобы в свое время на их место у весел сели их дети. Другое дело – Россия, в которой отношения с ду-

хам денег исторически складывались совсем иначе, что связано со специфической трудовой этикой, в которой мирно уживаются два взаимоисключающих императива: “время – деньги” и “время – праздник”²³.

Что касается ЧИПа, то у *духа денег* есть все основания считать его ненадежным, так как вторая половина его персоны связана с совсем иными мотивациями, нежели деньги. Кроме соображений карьеры, за которую “никаких денег не жалко”, есть еще один фактор. Любой ЧИП находится в зависимости от административной системы и остро осознает шаткость своего статуса. Поэтому он должен торопиться, у него нет времени, он должен успеть “снять” прибыль до перемен в своей судьбе. Таким образом, “конфликт интересов” не только раздваивает сознание ЧИПов, но и специфическим образом перечеркивает чувство перспективы в их отношении к деньгам. Поэтому у ЧИПов обычно плохо получается все, что связано с инвестициями, в основе чего лежат представления о результатах, отложенных на будущее, и, наоборот, хорошо получается все, что связано с управлением бюджетными средствами, позволяющими получить прибыль “здесь и сейчас”.

“Конфликт интересов”, который ЧИПы неизбежно носят в себе, приводит к тому, что иногда предприниматель в ЧИПе отступает на второй план – и тогда производятся действия наперекор *духу денег* и даже во вред ему. Например, ЧИП отказывается от бизнес-партнерства, тормозит проекты, затягивает решение проблем, хотя при этом теряет деньги и, следовательно, поступает иррационально по отношению к логике *духа денег*. Предприниматель может недоумевать, почему ЧИП мешает ему и к тому же наносит денежный вред самому себе, почему ЧИП нарушает договоренности и по ходу дела меняет правила. Он видит в этом прихоть или произвол и не понимает, что сталкивается с имманентным свойством природы ЧИПа, преданность которого *духу денег* частична и временна.

Очередная российская развилка

Дух денег преследует тех, кто не отдается ему без остатка, и в этом смысле социальный тип ЧИПа глубоко антипатичен *духу денег*, так как в силу своей раздвоенности его устремленность к деньгам не так сильна и не так устойчива, как у “чистых” предпринимателей. Но есть еще более весомая причина необходимости (с точки зрения *духа денег*) морального и правового осуждения ЧИПов. Она состоит в том, что у ЧИПов отсутствует столь необходимая *духу денег* неутолимость желания “делать деньги”, они склонны к насыщению, за которым следует замедле-

ние бизнес-активности и даже переключение на иные сферы интересов, сопряженных с обладанием властью, как-то: карьера, паблисити, интриги, упоение властными возможностями, или просто имитация активности, скрывающая усталость и недееспособность. Исходя из этого, а также учитывая, что популяция ЧИПов стремится к экспансии, *духу денег* в обществах, где этой популяции удастся занять главенствующую роль, грозит замедление развития, застой, отставание, конкурентный проигрыш. Именно поэтому западные моральные системы, сформированные в интересах *духа денег*, так настойчиво разводят ролевые модели чиновника и предпринимателя, так настойчиво требуют изживать “конфликты интересов”²⁴.

С началом нового века в России начался бурный рост популяции ЧИПов. В первые два года (2001–2002) это сказалось благотворно на социально-экономической ситуации в стране, так как первые шаги ЧИПов на командных позициях были направлены в первую очередь на снижение общего уровня хаоса, унаследованного от постреволюционных 90-х годов. Это было вполне рационально с точки зрения *духа денег* и делалось во имя его, что подтверждают, например, декларированные установки на улучшение инвестиционного климата и удвоение ВВП к 2010 году. В 2003 году возникли первые явления, связанные с характерной двойственностью природы ЧИПов. С одной стороны, они активно способствовали экономическому росту и, как истинные поклонники *духа денег*, радостно отмечали рост бюджета и его профицитный характер, десятикратное увеличение золотовалютного запаса, накопление средств в стабилизационном фонде. С другой стороны, их популяция поглощала все больше бизнесов Первого круга и тем самым постепенно отпугивала *дух денег*. К концу 2004 года, когда завершились политические пертурбации, связанные с парламентскими и президентскими выборами, стало ясно, что *дух денег* оказался на очередной исторической развилке, так как ослабление нечиновной части Активного класса и, наоборот, усиление ЧИПов стало угрожать будущему *духа денег* в России.

Духу денег нужен Третий круг

Вывавшись на свободу после январской революции 92-го года, *дух денег* несколько раз переживал драматические моменты, когда решался вопрос, быть ему или не быть. В 93-м году, чтобы выжить, *духу денег* пришлось пойти на силовые меры и устроить стрельбу из танков в Москве, в 96-м году он вместо танков применил дотоле невиданное в России политтехнологическое оружие и не отдал власть

коммунистам, в 99-м году он смог найти выход из политического тупика и обеспечить передачу властной эстафеты от Б. Ельцина В. Путину. Проблема-2005, вставшая перед *духом денег*, состоит в том, что, с одной стороны, его адепты, составляющие Первый круг, находятся в угнетенном состоянии и не могут полностью реализовать свой потенциал “делания денег”, а, с другой стороны, адепты из Второго круга при всей их глубокой и искренней любви к деньгам своей деятельностью не способствуют, а иногда и мешают процессам “делания денег” – в силу раздвоенности мировоззрения.

В такой ситуации *дух денег* мог бы инициировать в обществе поход за моральное очищение ЧИПов, за то, чтобы часть из них, особо преданная *духу денег*, ушла бы в бизнес, оставшиеся (и вновь приходящие) – избавились от бизнес-устремлений и служили бы государству за вознаграждение, а нежелающие преодолеть “конфликт интересов” наказывались бы посредством общественного или даже

судебного осуждения. Такая стратегия хороша в странах, где преданность *духу денег* прошла закалку в нескольких поколениях и некоторое сокращение поля его приверженцев за счет сепарации чиновников и бизнесменов не наносит особого ущерба *духу денег*. В России же при достаточно радикальных попытках борьбы за моральную чистоту ЧИПов и отлучения их от бизнеса под предлогом, например, борьбы с коррупцией возможны непредсказуемые исходы. *Дух денег* пока еще слишком слаб, и есть все основания опасаться, что в пылу борьбы с ЧИПами вместе с водой будет выплеснут и ребенок, то есть искоренен, как это не раз бывало в российской истории, и сам *дух денег*.

С позиции *духа денег* рациональнее создать Третий круг своих приверженцев. Так могут быть достигнуты сразу две цели: во-первых, общее поле сторонников *духа денег* расширится, и, во-вторых, возникнут условия, в которых легче будет противостоять чрезмерному усилению популяции ЧИПов.

Примечания

¹ **Всевозможные знания и представления составляют особый мир теорий**, создаваемый людьми в ходе коммуникаций, доступный им при посредстве коммуникаций и существующий до тех пор, пока продолжаются коммуникации. В этом состоит знаменитая концепция Кар-

ла Поппера о “трех мирах” (Поппер К. Эпистемология без субъекта знания // Объективное знание. М.: УРСС, 2002).

“Во-первых, мир физических объектов или физических состояний; во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состоя-

ний и, возможно, предрасположенностей, диспозиций к действию; в-третьих, мир *объективного содержания мышления*, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства... Обитателями моего третьего мира являются прежде всего *теоретические систе-*

мы; не менее важными его жителями являются *проблемы и проблемные ситуации*. Однако наиболее важными его обитателями – это я буду специально доказывать – *критические рассуждения* и то, что – по аналогии с физическим состоянием или состоянием сознания – можно назвать *состоянием дискуссий* или *состоянием критических споров*; конечно, сюда относится и содержание журналов, книг и библиотек” (с. 108–109).

Мир теорий – живой мир, в нем постоянно происходит воспроизводство теорий и их борьба за выживание – см.: *Ослон А.* Мир теорий в эпоху “охвата” (Отечественные записки. 2003. № 4. С. 31–43), где мир теорий описывается как конкурентная среда, в которой теории стремятся к тому, чтобы как можно глубже “захватить” и как можно шире “охватить” своих приверженцев. Вообще, идеи эволюции в мире теорий породили огромный корпус текстов; см., например: *Поттер К.* Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М.: УРСС, 2000; *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2001; *Цокалов С.* Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен, 2000.

2 Эпидемиологические аналогии нашли свое отражение в широко известной книге *Р. Докинза* Эгоистичный ген (М.: Мир, 1990), где вводится особое понятие социального вируса под названием “мем” (иногда – “мим”, от греческого “mimesis” – подражание), получившее широкое распространение (см., например: *Броди Р.* Психические вирусы. М.: Центр психологической культуры, 2001).

3 Одна из ключевых социологических книг XX века – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности (М.: Медиум, 1995) описывает, как люди создают социальный мир и как социальный мир создает людей. Одно из основных ее понятий – “смысловой подуниверсум”, играющий для группы людей

роль той смысловой “призмы”, через которую они видят то, что считают реальностью. Это близко к тому, что в данном тексте обозначается понятием *дух*. Под влиянием этой книги и в приложении к проблематике социологических опросов см. текст, написанный в жанре интервью: *Ослон А.* Человек – миноритарный акционер своей картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 203–219.

4 Для М. Вебера понятие духа было вполне естественным: для него дух воплощен в образе мышления людей, объединенных общим делом, а само дело есть следствие движущей силы духа. (*Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990).

“Мы... применяем здесь понятие “дух (современного) капитализма” для определения того строя мышления, для которого характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии... обосновываем это тем историческим наблюдением, что подобный строй мышления нашел в капиталистическом предприятии свою наиболее адекватную форму, а капиталистическое предприятие в свою очередь нашло в нем наиболее адекватную духовную движущую силу” (с. 85).

5 В. Зомбарт в полемике с М. Вебером дал свою версию становления капитализма, но она имеет ту же – духовную – природу: капитализм порождается хозяйственным духом. Вот как описано это базовое понятие в книге: *Зомбарт В.* Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь (М.: Айрис-пресс, 2004).

“Если говорить образно, то можно относиться к хозяйственной жизни как к организму и утверждать о нем, что он состоит из тела и души. Хозяйственное тело образуют те внешние формы, в которых функционирует хозяйственная жизнь: хозяйственные и технические формы, мно-

гообразные организации, в среде которых и с помощью которых осуществляется хозяйственная жизнь... Хозяйственный дух – это совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйственную деятельность. Это все проявления интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также и все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и управляется поведение хозяйствующего человека” (с. 8–9).

И далее. “Экстенсивное развитие определенного хозяйственного духа находит выражение в количестве индивидуумов, которые исполнены его в каждом случае; определенный дух может проявлять весьма высокую интенсивность развития в отдельном хозяйствующем субъекте, на найдя себе широкого распространения, – наоборот, многие полинялые черты общего хозяйственного духа или некоторые немногие сильно развитые черты могут быть найдены у большого числа индивидуумов. Определенный дух “господствует” в известное время тогда, когда он вообще имеет широкое распространение, он *преобладает*, когда он определяет собою хозяйственные действия большей части хозяйствующих субъектов” (с. 13–14).

6 Заявление об особом духе коммунистической идеологии, обладающем реальной силой, содержится в первых фразах “Манифеста коммунистической партии”, опубликованного К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 г.

“Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака... Коммунизм признается уже силой всеми европейскими силами”.

7 О советских “платежных средствах” см.: *Кордонский С.* Рынки власти. Административные рынки в СССР и России. М.: ОГИ, 2000.

“Так же, как и рубли, административная валюта была наличной или безналичной (валюта прямого приказа или опосредованного в системе интересов распоряжения), разной номинальной стоимости (бумаги на партийных бланках ценились выше, чем на бланках советских органов) и т.д.” (с. 103).

8 Понятия Активного и Пассивного классов являются, в сущности, метафорами, обозначающими скорее не наличие/отсутствие денег; а две разные ментальные установки: деньги – ценность/не ценность. Поэтому могут быть предложены различные операциональные основы для грубой оценки их объема среди населения современной России. В одном из опросов Фонда “Общественное мнение” (20–21 августа 2005 г., городское и сельское население 100 населенных пунктов в 63 субъектах РФ, выборка 1500 респондентов) для этого был использован своего рода тест, состоящий из четырех вопросов. Вот их сокращенные формулировки: “Хватает ли Вам денег на жизнь?”, “Стремитесь ли Вы иметь как можно больше денег?”, “Есть или нет сегодня у людей, которые хотят и могут работать, возможность прилично зарабатывать?”, “Есть ли у Вас шансы стать человеком, имеющим много денег?” Доля респондентов, хотя бы на три вопроса из четырех давших ответы “в пользу” *духа денег*, составила 17%. Это и есть примерный объем группы приверженцев *духа денег* в России, уже состоявшихся в смысле денежного успеха или нацеленных на такой успех. Интересно, что в этой группе 70% людей в возрасте 18–35 лет (при том что в среднем по выборке – 35%), 57% мужчин (в среднем – 47%), 25% с высшим образованием (в среднем – 17%).

9 Дух денег явился в страну, где население было в неведении относительно многих аспектов самого понятия “деньги”. На Западе оно формировалось в течение нескольких столетий и привело к обширному

смысловому пространству “множественных денег”; см., например: *Зализер В.* Социальное значение денег. М.: ГУ ВШЭ, 2004. В России история денег всегда была в большей или меньшей степени сопряжена с крестьянским менталитетом: *Мионов Б.* Социальная история России. Том 1. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999.

“К власти и славе, в современном понимании этих слов, крестьянин относился равнодушно, к богатству – противоречиво. С одной стороны, он понимал, что деньги могут дать власть, силу и материальное благополучие. С другой стороны, он считал, что богатство аморально, так как всегда нажито не по совести и правде, в ущерб и за счет других. Оно не приносит душевного спокойствия, наоборот, обладание им сопряжено с большими хлопотами, волнениями и страхом за свое будущее на том свете, в вечной потусторонней жизни” (с. 327–328).

Бурное промышленное развитие в конце XIX–начале XX века вызвало распространение *духа денег* европейского толка, но одновременно

“...поток мигрантов из деревни повлек за собой окрестьянивание городского населения как по социальному составу, так и по образу мысли и образу жизни... В результате за 49 лет [1858–1907 гг.] численность крестьян-горожан возросла в 4,6 раза, а прочих жителей городов – лишь в 1,5 раза” (там же, с. 341).

Этот фактор способствовал победе большевиков, при которых западный *дух денег* был объявлен вне закона. За 75 лет существования СССР сформировались и получили массовое распространение специфические советские представления о деньгах. Основные на идеологической риторике презрения к деньгам (Ленин мечтал об изготовлении унитазов из золота), они порождали типичное советское двоемыслие: включали в себя одновременно жажду денег и страх иметь их.

Поэтому после революции 92-го года, когда *дух денег* занял в россий-

ской ментальности главенствующее положение, оказалось, что россияне, включая новоявленных предпринимателей, по-взрослому хотели денег, но были по-детски наивны во всем остальном, связанном с деньгами. Держать деньги “в кубышке”, а не в банке, не возвращать вовремя долги, тратить больше, чем зарабатываешь, вкладывать деньги в авантюрные проекты, не платить налоги, не различать “чистые” и “грязные” деньги, выставлять свои деньги напоказ, предпочитать наличные, верить доллару и не верить рублю, тщательно считать малые суммы, но бездумно тратить и “прожигать” большие, вести “черную” бухгалтерию, обращаться с жалобами на кредиторов не в суд, а к бандитам и т.д. и т.п. – вот живописный и далеко не полный перечень следствий из примитивного понимания денег, возникшего в постсоветском вакууме и так удивлявшего западных людей.

10 О рекламе начала 90-х как об учителе жизни написано много, например: *Сальникова Е.* Эстетика рекламы: культурные корни и лейтмотивы. М.: Ин-т искусствознания, 2001.

“...Реклама выполняла и <кроме информирования> грандиозную чисто психологическую функцию для огромных масс телезрителей... Они воспринимали рекламу как пришествие новой, спонтанно формирующейся идеологии. Она состояла из той системы ценностей, в которой открытым текстом провозглашалась первостепенная ценность личного благополучия и успеха, индивидуального комфорта, интимных удовольствий” (с. 197).

“Реклама первых <постреволюционных> лет представляла не предметы общего массового потребления, но предельно элитарные и недоступные массовому потребителю товары. Для российского народа реклама являлась тем пространством, где кучкуются “другие” кухни, “другие” корабли, “другие” пылесосы, все “другое” (там же, с. 201).

“Реклама стремилась показать то, что все жаждали видеть и иметь. Среди этого были прежде всего деньги. Они фигурировали в роликах по любому поводу, их считали, дарили, ими что-то оплачивали, их экономили, вынимали из сейфа или прятали там и, конечно, их “выдавали” счастливым вкладчикам, рискнувшим доверить свои сбережения финансовой компании или коммерческому банку. Прагматичная западная реклама показывает деньги лишь в крайнем случае, чтобы не напоминать о прагматике купли-продажи. В наших традициях мечтаемого умозрения по-

казать деньги – означало лишний раз дать их человеку хотя бы в виде визуального образа” (там же, с. 202).

11 Число пострадавших осенью 94-го года от разорения множества финансовых пирамид, начавшегося со скандального фиаско самой знаменитой из них – “МММ”, составляло, по опросам Фонда “Общественное мнение”, не менее 20 млн человек. Но практически все население страны переживало если не потерю денег, то по крайней мере потерю иллюзий и надежд на чудесные перемены. Сей-

час даже трудно представить, какова была в то время глубина массового разочарования. Это была одна из тех редких в истории ситуаций, когда десятки миллионов людей одновременно переживают сильные и во многом совпадающие чувства. Немудрено, что в 95-м году социальная атмосфера в стране существенно изменилась.

12 Залоговым аукционам конца 1995 года сейчас придается значение крупнейшего акта передачи государственности в частные руки “олигархов” за “смешные” деньги. По экономичес-

Деньги в нашей жизни

Стремление к деньгам, еще недавно всемерно порицавшееся в нашей стране – причем отнюдь не только официальной идеологией, – обрело, по всей видимости, определенную культурную легитимацию. Сейчас россияне не видят в нем ничего предосудительного, и большинство опрошенных (58%) заявляют, что стремятся иметь как можно больше денег, причем среди молодежи о таком стремлении заявляют 78%. Лишь немногим более трети респондентов (36%) говорят, что не стремятся к этому (чаще

других – люди пенсионного возраста, у которых, нельзя не заметить, и возможности реализовать такое стремление весьма ограничены).

Но только каждый четвертый респондент (24%) говорит, что у него есть шанс стать человеком, имеющим много денег (среди тех, кто к деньгам стремится, – 32%), тогда как две трети (66%) считают, что у них подобного шанса нет. Очень характерна дифференциация мнений по этому вопросу в зависимости от возраста: молодые чаще склонны усматривать для себя шанс

стать людьми с деньгами, чем отрицать его (47% против 38%), тогда как среди респондентов среднего возраста только 18% считают, что такая перспектива для них не закрыта. Что же касается оценки уже не своих собственных перспектив, а условий для достижения материального благополучия в современной России в целом, то треть (31%) опрошенных полагают: у людей, которые могут и хотят работать, достаточно возможностей прилично зарабатывать. Противоположного мнения придерживаются 60% участников опроса.

На сегодняшний день только четверти опрошенных (24%), по их словам, хватает денег на жизнь, тогда как большинству – 75% – не хватает. Кстати, чаще денег не хватает людям среднего возраста – среди них об этом заявили 81%. Очевидно, это связано с тем, что представителям среднего поколения приходится кормить не только себя, но еще и несовершеннолетних, а нередко – и совершеннолетних, детей, некоторым же – и престарелых родителей.

Елена Вовк

Фонд "Общественное мнение". Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса - интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 13-14 августа 2005 года. 1500 респондентов.

ким масштабам это, как показывают факты, конечно, миф. В ноябре–декабре 95-го частичное (!) разгосударствление коснулось лишь 12 предприятий, в том числе шести нефтяных компаний, трех заводов и трех пароходств. См., например: *Кох А., Свиначенко И.* Ящик водки. Том 3. М.: ЭКСМО, 2005.

“В общей сложности было получено в бюджет около 1 млрд 100 млн долл. ...Сейчас, когда капитализация наших крупных компаний измеряется миллиардами долларов, мы уже и не помним, что осенью 1995 года акции этих самых компаний стоили копейки. Вот, например, сколько стоили в РТС 38% акций “Норильского никеля” в день проведения аукциона 17 ноября 1995 года? Ни за что не догадаетесь. 147 млн долларов. Да и откуда взяться высоким ценам в стране, где отечественный капитал еще не набрал сил, а иностранный — смотрел с опаской на Россию, в которой вот-вот к власти придут коммунисты. Да и участвовать в аукционах им запретили”.

13 Об истории переизбрания

Б. Ельцина. В декабре 1995 года после победы на парламентских выборах партии коммунистов во главе с Г. Зюгановым и увольнения из правительства А. Чубайса шансы Б. Ельцина на переизбрание стали практически нулевыми, а избрание Г. Зюганова и, как следствие, реставрация советского порядка и преследование *духа денег* считались экспертами (особенно западными) неизбежными. Однако *дух денег* мобилизовал самых крупных предпринимателей Первого круга, уже получивших собственность через приватизацию и залоговые аукционы. Они сумели преодолеть разногласия и, создав “аналитическую группу Чубайса”, переломили ситуацию. Подробнее об этом см.: *Ослон А.* Выборы-96: социология и политика / Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт ФОМ, 2003. С. 379–396.

14 Социологическая хроника взлета популярности В. Путина

осенью 99-го и в течение 2000 года описана в статье: *Ослон А.* “Путинское большинство” как социальный факт (Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт ФОМ, 2003. С. 335–345). Тогда, по опросам, электронный рейтинг В. Путина (доля населения, выражающая готовность голосовать за него на выборах) увеличился с 1–2% в августе (после назначения на пост премьер-министра) до 45% в декабре и сохранялся на этом уровне с небольшими колебаниями в течение всего 2000 года.

15 **В. Путин выиграл президентские выборы** 26 марта 2000 г. в первом туре, набрав 52,7% голосов избирателей. На второй срок он был избран 14 марта 2004 г. с результатом 71,3%.

16 **С целью мониторинга уровня социального оптимизма** в конце года в опросы ФОМа включается вопрос: “Как Вы думаете, наступающий год будет для России в целом лучше, хуже или таким же, как уходящий год?” Вариант “лучше” собрал рекордные доли ответов респондентов именно в 1999 и в 2000 годах. Вот полный ряд имеющихся данных: 1994 год – 14%, 96-й – 27%, 97-й – 27%, 98-й – 16%, 99-й – 46%, 2000 – 47%, 2001 – 31%, 2002 – 33%, 2003 – 33%, 2004 год – 27%.

17 **Задержки выплат пенсий и зарплат** работникам бюджетной сферы приобрели массовый характер в 1995 году. Сейчас уже трудно представить себе, какой это вызвало шок у десятков миллионов людей, так как в советское время стабильность выплат была “священной коровой” и было немисливо, например, чтобы старики возвращались из Сберкассы в день пенсии ни с чем. Как показывали опросы, эта проблема осенью 96-го стала первой по значимости и оставалась таковой до осени 99-го года, когда выплаты начали произво-

диться вовремя и стали погашаться долги за предыдущие годы.

О масштабе проблемы и ее решении свидетельствуют, например, следующие данные: в январе 99-го года 72% пенсионеров утверждали, что государство задолжало им пенсии, в апреле их оказалось 58%, в июле – 50%, в октябре – 9%, в январе 2000 года – 6%.

18 **О соотношении этоса “денег” и этоса “служения”.** *Согомонов А.* Генеалогия Успеха и Неудач. М.: Солтэкс, 2005.

“Деньги и Карьера – не просто явления разнопорядковые, но и дихотомичные. Носителю идеи карьерного успеха для демонстрации своей преданности биографической идее карьеры (в первую очередь, политической) необходимо постоянно акцентировать свою индифферентность и даже негативизм к деньгам и накопительству. И напротив, “слуги” денежного успеха демонстрируют свое презрение к карьерным мотивам (прежде всего, карьере государственной и политической), а также независимость от любых внеличностных факторов своего успеха во имя денежной репутации. В идеале современного типа биографического проектирования Деньги и Карьера – достигательно несовместимы” (с. 237–238).

19 **Современный чиновник уходит корнями в историю** и, сам того не сознавая, во многом воспроизводит практики давно ушедших времен. О последних можно прочитать, например, в книге: *Миронов Б.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Том 2. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999, глава “Отличие российского чиновника от идеального чиновника”.

“...В XVII–первой половине XVIII в. подношения чиновникам являлись составной частью их содержания. Закон преследовал только те подношения, которые провоцировали чинов-

ника на нарушения закона. Такие незаконные подношения назывались “посулами”, в то время как законные, способствующие быстрому и благожелательному рассмотрению дела в соответствии с законом и обычаем, – “почестями”. “Почесть” символизировала уважение и желание просителя попасть под покровительство чиновника, “посул” – предложение нарушить закон... Для высших должностных лиц на местах – воевод вплоть до 1760-х гг. повсеместно практиковался и хорошо сохранился обычай древнего кормления, который осуществлялся следующим образом. От трех до четырех раз в год (Рождество, Пасха, Петров день и Масленица) крестьянские общины, проживавшие на подвластной территории, по очереди приносили корм, или взятки, которые определялись традицией” (с. 164).

20 Для своего бизнес-участия ЧИПы выработали множество практических схем. Наиболее известны самые ходовые, например легальная схема – формально законное “избрание” в совет директоров компании (особенно если это компания с государственной долей собственности), теневая схема – оформление своих партнерских долей в бизнесе на подставных лиц и т. д. Вообще, эта тема еще ждет своих исследователей. В данном случае речь не идет о банальных взятках, “крышевании” или воровстве, когда через приписки или манипуляции с финансовой отчетностью организуется денежный ручеек на личный счет. И тем более – не о явно криминальных способах увода денег через, например, невозвращенные фиктивные кредиты. Все гораздо серьезнее, когда ЧИП своими действиями реально приносит пользу своему бизнесу, развивает его и, таким образом, “зарабатывает деньги”. Эти практики получили распространение уже в “эпоху Путина”, в отличие от 90-х годов, когда все было грубее

и проще: бизнесом занимались предприниматели, а чиновники сидели у них на зарплате.

21 В языке 90-х годов для обозначения персоны, находящейся на полпути от состояния криминального “авторитета” к состоянию легального предпринимателя, даже возник специальный термин: “авторитетный предприниматель”. См.: *Моченов А. и др.* Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М.: Олма-Пресс, 2003.

22 Об интеграции криминального бизнеса в легальный см.: *Волков В.* Силовое предпринимательство. СПб. – М.: Европейский ун-т – Летний сад, 2002.

“Те ОПГ (организованные преступные группировки), которые не смогли адаптироваться к легальной экономике, сохранили свой статус преступной группировки – и потеряли прежнее влияние, а те, немногие, которые пошли по пути переопределения прав собственности в пользу экономических субъектов, активно использовали возможности легальных форм собственности и заключили неформальный пакт с региональными властями – по сути перестали существовать как ОПГ. Обусловленность дальнейшего успеха рядом новых принципов, начиная с осознания экономической нецелесообразности высокого уровня насилия и заканчивая более сложной зависимостью от профессионального менеджмента, создало предпосылки для превращения ОПГ в региональные бизнес-группы” (с. 180).

23 Об особенностях национальной трудовой этики пишет Б. Миرون в цитированном выше томе 2 “Социальной истории...”.

“Согласно принципам минималистской трудовой морали, работать следует до удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи и не стремиться

к накоплению; напротив, максималистская трудовая этика ориентирует человека на достижение максимально возможного результата в своей работе, а предпринимателя – на максимальную прибыль” (с. 305).

“...Российский народ вплоть до 1917 г. жил по принципам традиционной трудовой этики или по христианским заповедям, т. е. не превращал трудолюбие, деньги и время в фетиши, которым следует поклоняться. Время – не деньги, был он уверен, время – праздник!” (там же, с. 317).

С другой стороны, М. Вебер в самом начале упомянутого выше трактата “Протестантская этика и дух капитализма” приводит в качестве ключевой для его темы выдержку из труда Бенджамина Франклина (1736).

“Помни, время – это деньги; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен – если он расходует на себя всего только шесть пенсов – учесть не только этот расход, но считать, что истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов” (с. 71).

24 К представлениям о вредности “конфликтов интересов” дух денег приучал западный мир в течение долгого времени и изживал из общества тех, кто допускал для себя такие ситуации. В первую очередь это касалось и касается чиновников, которые, поступая на государственную службу, должны публично обещать не быть ЧИПами, отречься от духа денег с использованием особых ритуалов, например отказ от постов в корпорациях, передача своих акций в траст, декларирование финансового состояния и его источников, принесение присяги и т. д. Явные нарушения этих неписаных законов в тех обществах, где царит дух денег, расцениваются как один из самых тяжелых грехов и жестоко наказываются. Российская же бизнес-культура пока не доросла до понимания того, что “конфликт

интересов” просто экономически вреден. У нас это вызывает снисходительные улыбки. Сообщение <http://www.businesspress.ru> 23 мая 2003. “Госдума неожиданно приняла в первом чтении Кодекс поведения госслужащих, на который правительство прислало парламентариям отрицательное заключение. Авторы законопроекта хвастают тем, что впервые ввели понятие конфликта интересов на государственной службе. Если кодекс обретет силу закона, чиновники

должны будут сообщать о своих коммерческих интересах, а заодно и об интересах коллег в специально уполномоченные органы. Кодекс предписывает госслужащему “не допускать, чтобы его частные интересы сталкивались с его публичными служебными обязанностями”. Он должен “информировать” неназванные “уполномоченные органы” о своих бизнес-интересах и о нарушениях кодекса, которые допускают другие чиновники. ...Нынешние госчиновники считают

депутатов и общественных деятелей мечтателями. “Там написано почти все о том, что нужно делать, чтобы быть хорошим мальчиком, – иронизирует замруководителя аппарата правительства Алексей Волин, считающий информацию, содержащуюся в проекте, “бесполезной или избыточной”. – Я мог бы еще добавить в этот проект при втором чтении, что высшим госчиновникам не следует переходить улицу на красный свет и заплывать за буйки”

Словосочетание “азартные игры” знакомо практически каждому взрослому жителю нашей страны – только 2% опрошенных услышали его впервые в ходе опроса. На практике же с азартными играми знакома треть россиян: 63% опрошенных заявили, что никогда в них не играли.

В карты на деньги играли 20% респондентов, среди мужчин – 35%. Вторые по популярности – игровые автоматы: опыт “общения” с ними имеют 16% опрошенных. Причем у молодежи игровые автоматы популярнее карт (28% против 22%), тогда как у “игроков” среднего поколения популярнее карты (24% против 13%). В другие азартные игры (рулетка, кости и т.д.) играли сравнительно немногие – в целом не более 10% опрошенных.

Россияне довольно оптимистично оценивают результаты своего участия в азартных играх: доля тех, кто заявил, что чаще проигрывал, лишь вдвое превосходит долю тех, кто заявил, что чаще выигрывал (12%

Азартные игры

против 6%). Еще 15% опрошенных полагают, что с материальной точки зрения они остались в итоге “при своих”. Неудивительно, что соотношение удачливых и неудачливых игроков среди “картежников” (15% – чаще выигрывали, 26% – чаще проигрывали) заметно отличается от того, которое фиксируется среди любителей игровых автоматов (17% и 49%).

Что касается распространенности игровых автоматов в России, то их сегодня можно встретить, по всей видимости, на каждом шагу. Во всяком случае, три четверти опрошенных (74%) сказали, что рядом с местом их жительства стоят “однорукие бандиты”, как было модно называть игровые автоматы в то время, когда они казались почти сугубо американской реалией. В городах этот показатель превышает

85%, однако и в селах данный бизнес представлен довольно широко (31%). Большинство респондентов (58%) отмечают, что за последний год количество игровых автоматов у них в населенном пункте увеличилось. Репутация у них не самая лучшая: 48% опрошенных (или две трети тех, у кого автоматы есть рядом с домом) выступают за то, чтобы количество игровых автоматов в их населенном пункте было уменьшено, и только 18% говорят, что для них эта проблема не имеет значения.

Петр Бавин

Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 30-31 июля 2005 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.